

НИЖЕГОРОДСКІЙ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цена Ниж. Церк.-Общ. Вѣстника: годовая 5 руб., полугодовая 3 руб., съ доставкой и пересылкой; за отдѣльный №—15 коп.

Цена за помѣщеніе объявленій: на 1-й страницѣ 20 коп. за мѣсто, занимаемое строкою петиціи, на послѣднихъ страницахъ—10 коп.; повтореніе—по соглашенію; рассылка готовыхъ объявленій вѣсомъ не болѣе 1 лота в руб. съ тысячи.

Подписка принимается въ конторѣ Редакціи и парчевомъ магазинѣ при Домѣ Братства Св. Георгія. Квартира редактора: Большая Печерка, № 57—10. Приемъ отъ 2—3 ч. пополудни.

№ 47-й.

Доставленные въ Редакцію рукописи подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ Редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію, мелкія-же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Письменные объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для Редакціи не обязательны.

Рукописи, доставляемые безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе Редакціи.

СОДЕРЖАНІЕ. Часть официальная—Рескриптъ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елисаветы Теодоровны, Августѣйшей Предсѣдательницы ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества, на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоакима, епископа нижегородскаго и арзамасскаго.—Отношеніе и. о. Предсѣдателя Нижегородскаго мѣстнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоакима, епископа нижегородскаго и арзамасскаго.—Извѣщеніе.—Часть неофициальная.—Изъ бесѣды Преосвященнаго Геннадія, епископа балахнинскаго.—Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.—Изъ общей церковной жизни.—Изъ мѣстной епархіальной хроники.—Изъ общественной жизни.—Объявленія.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

РЕСКРИПТЪ

Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елисаветы Теодоровны, Августѣйшей Предсѣдательницы ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества, на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоакима, епископа нижегородскаго и арзамасскаго.

Преосвященнѣйшій Владыко.

Свыше шестилѣтнее пребываніе Ваше въ оренбургской епархіи и проявленная за это время состоявшимъ подъ Вашимъ Архипастырскимъ предсѣдательствомъ мѣстнымъ отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества высокополезная дѣятельность даютъ мнѣ пріятный случай выразить Вамъ, Преосвященнѣйшій Владыко, сердечную благодарность за Ваше сочувствіе благотворительно-просвѣтительной дѣятельности Общества въ Св. Землѣ и мудрое руководство оренбургскимъ отдѣломъ.

Нынѣ, въ виду Вашего прибытія къ мѣсту новаго святительскаго служенія, позволяю Себѣ обратиться къ Вашему Преосвященству съ убѣдительною просьбою принять званіе Предсѣдателя также и въ мѣстномъ Нижегородскомъ отдѣлѣ Общества. Я надѣюсь, что при Вашемъ благостномъ участіи и Нижегородскій отдѣлъ, подобно Оренбургскому, явится энергичнымъ и плодотворнымъ сотрудникомъ Совѣта въ достиженіи благихъ цѣлей Общества.

Испрашиваю Вашего Архипастырскаго благословенія и поручаю Себя и Общество святительскимъ молитвамъ Вашимъ.

Искренно къ Вамъ расположенная

Елисавета.

На семъ рескриптѣ 12 ноября 1910 г. послѣдовала слѣдующая резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоакима, епископа нижегородскаго

и арзамасскаго: „Охотно принимаю назначеніе Предсѣдателемъ отдѣла—съ благодарностью. Пропечатать въ Вѣстникѣ“.

ОТНОШЕНІЕ

и. о. Предсѣдателя Нижегородскаго мѣстнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоакима, епископа нижегородскаго и арзамасскаго.

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь.

Обращаюсь къ Вашему Преосвященству съ покорнѣйшей просьбой не отказать, по примѣру прежнихъ лѣтъ, разрѣшить Нижегородскому мѣстному Управленію произвести во всѣхъ церквахъ вѣренной Вамъ епархіи во время всенощного бдѣнія 27 и литургіи 28 сего ноября (ведѣли о Самарининѣ, 25-й по пятидесятницѣ) тарелочный сборъ на усиленіе средствъ Нижегородскаго отдѣла Краснаго Креста.

Сборъ будетъ производиться въ Н.-Новгородѣ—сестрами милосердія и другими лицами, уполномоченными мѣстнымъ Управленіемъ, въ уѣздахъ же лицами, уполномоченными мѣстными полицейскими властями по распоряженію уѣздныхъ исправниковъ.

О послѣдующемъ по сему благоволенію Ваше Преосвященство меня увѣдомить.

Испрашивая Архипастырское благословеніе, съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Преосвященства

покорный слуга Г. Рыковскій.

На семъ отношеніи послѣдовала слѣдующая резолюція Его Преосвященства: 1910. 13 ноября. Благословляется произвести сборъ. Прошу духовенство оказывать содѣйствіе сбору. Пропечатать въ Вѣстникѣ въ ближайшемъ номерѣ. Б. Іоакимъ.

25 ноября въ 7 ч. веч. имѣеть быть собраніе законоучителей для сужденія объ исполненіи постановленія Св. Синода относительно законоучительства.

ИЗВѢЩЕНІЕ

отъ Совѣта Введенскаго Братства.

Такъ какъ назначенное на 11-е число текущаго ноября общее собраніе Введенскаго Братства вспомошествованія недостаточнымъ воспитанницамъ Епархіальнаго женскаго училища, за неприбытіемъ установленнаго числа членовъ, не могло состояться, то Совѣтъ Братства покорнѣйше просить членовъ Братства пожаловать на **вторичное** общее собраніе Братства, имѣющее быть, съ разрѣшенія Его Преосвященства, въ 7 часовъ вечера 30-го числа сего ноября въ залѣ Епархіальнаго женскаго училища.

Предметы занятій общаго собранія: а) чтеніе отчетовъ по Братству за 1908 и 1909 годы; б) докладъ о пожертвованіи въ пользу Введенскаго Братства 1000 рублей Высокопреосвященнѣйшимъ архіепископомъ Назаріемъ; в) выборъ товарища председателя Совѣта Братства, вмѣсто выбывшаго Н. М. Боголюбова.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Изъ бесѣды Преосвященнаго Геннадія, епископа балахнинскаго.

Бесѣда 9-я.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Вернемся къ тому вопросу, который былъ затронутъ нами весной, вопросу важному и близкому для каждаго человѣка христіанина, — вопросу о спасеніи души.

Для удобства рѣшенія этого вопроса мы подраздѣлили его на части по возрастамъ духовной жизни, — дѣтскому, юношескому и мужескому.

Такое дѣленіе на возрасты не случайное, а основано на словѣ Божіемъ. Въ соборномъ посланіи Іоанна Богослова христіане раздѣлены на эти возрасты: „Пишу вамъ, отцы, яко познаете Безначальнаго. Пишу вамъ, юноши, яко побѣдите лукаваго. Пишу вамъ, дѣти, яко познаете отца“ (1 Іоан. 2, 13). Ап. Іоаннъ различаетъ среди христіанъ дѣтей, юношей и отцовъ. Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ упоминаніе о старцахъ, то есть о такихъ, которые дошли до заката дней своихъ, которые убѣлены сѣдинами, которые кончаютъ свое земное теченіе: „Писахъ вамъ, отцы, продолжаетъ тотъ же апостоль, яко познаете истиннаго. Писахъ вамъ, юноши, яко крѣпцы есте, и слово Божіе въ васъ пребываетъ, и побѣдите лукаваго“ (14).

Въ обычной жизни такое дѣленіе жизни на возрасты является общепризнаннымъ. Но и въ отношеніи къ дѣлу спасенія души оно также находитъ свое основаніе.

Одинъ возрастъ, дѣтскій, былъ уже нами рассмотрѣнъ. Мы видѣли, что въ дѣтскомъ возрастѣ спасеніе души не только возможно, но и должно совершаться. Христосъ Спаситель сказалъ о дѣтяхъ: „не забраняйте имъ приходить ко Мнѣ, таковыхъ бо есть Царствіе Небесное“. Изъ этихъ словъ Господа мы можемъ видѣть, что дѣтское сердце стремится къ Спасителю, желаетъ близости съ Нимъ и живетъ Господомъ, только бы не препятствовали ему приходить ко Христу. Даже болѣе сказалъ Спаситель этими словами: если и всѣ взрослые не будутъ какъ дѣти по своему сердцу, то не войдутъ въ Царствіе Божіе; что большимъ въ Царствіи Небесномъ будетъ тотъ, кто по сердцу будетъ, какъ дитя. Эти слова Христа Спасителя рѣшаютъ и самый вопросъ о спасеніи души въ дѣтскомъ возрастѣ.

Трудно, однако, указать предѣлъ, которымъ заканчивается дѣтство и съ котораго начинается юношескій возрастъ, трудно потому, что нельзя указать такихъ лѣтъ, до которыхъ человѣкъ считается дитятей и съ которыхъ онъ начинаетъ быть юношей. Тѣмъ болѣе трудно установить такое подраздѣленіе въ жизни каждаго, отдѣльнаго человѣка. Здѣсь приходится опредѣлять границы не лѣтами, а внутреннимъ состояніемъ человѣка, его самосознаніемъ. Когда дитя начинаетъ сознавать себя, начинаетъ смотрѣть на жизнь сознательно и составляетъ свой взглядъ на нее, то это значитъ, что онъ изъ дѣтскаго возраста переходитъ въ юношескій. У различныхъ людей это бываетъ въ различное время. Одинъ развивается ранѣе своихъ лѣтъ, и о такомъ говорятъ: онъ ребенокъ, а какой серьезный, какъ прекрасно разсуждаетъ; о другомъ же говорятъ, что хотя ему лѣтъ и много, но онъ говоритъ и поступаетъ, какъ ребенокъ. Такими словами мы ясно опредѣляемъ, что одинъ достаточно развитъ, достаточно сознательно относится къ жизни, а другой на все смотритъ безразлично.

Связь дѣтскаго возраста съ возрастомъ юношескимъ самая тѣсная, настолько тѣсная, что трудно и даже невозможно разграничить, съ какаго момента можно считать ребенка юношей; за дѣтскимъ возрастомъ какъ-то незамѣтно является вдругъ юношескій возрастъ. Удивляться этому мы не должны: въ природѣ мы замѣчаемъ нѣчто подобное. Вотъ цвѣтутъ яблони, они кажутся бѣлыми отъ множества цвѣтовъ. Въ то время, когда цвѣтъ держится на яблони, мы наслаждаемся, смотря на дерево,

ощущая пріятный запахъ и каждый изъ насъ говорить, что яблони цвѣтутъ. Но вотъ дунулъ вѣтеръ, унесъ съ яблони цвѣтъ и вмѣсто него появились яблоки; значитъ, одновременно цвѣли яблони и образовывались яблоки; мы не можемъ наблюдать, въ какое время изъ цвѣтка образуются яблоки. Тоже самое нужно сказать о дѣтствѣ и юношествѣ. Сначала мы человѣка называемъ ребенкомъ, говоримъ, что онъ дитя, но потомъ совершенно незамѣтно, какъ-то вдругъ, онъ является передъ нами въ возрастѣ юношескомъ. Такъ незамѣтно человѣкъ дѣлается юношей потому, что въ то время, какъ въ одномъ отношеніи онъ былъ дитятей, въ это самое время у него вырабатывались юношескія понятія; незамѣтно развиваясь, онъ сдѣлался юношей.

Нѣтъ необходимости устанавливать предѣлъ дѣтскаго возраста. Скорѣе мы должны утверждать, что въ дѣлѣ спасенія нѣтъ промежутка, нѣтъ границъ между дѣтствомъ и юношествомъ. Если мы признаемъ, что дитя чувствуетъ Бога, стремится къ Нему, что дѣтское сердце воспріимчиво къ духовнымъ вопросамъ, то старшимъ людямъ, родителямъ и воспитателямъ, послѣ изученія дѣтской природы, нужно въ доступной формѣ раскрыть имъ вопросъ о духовномъ спасеніи, раскрыть такъ, чтобы дитя понимало, принимая къ сердцу, раскрываемое ученіе. Для этого мы должны говорить языкомъ дѣтскимъ, должны говорить въ такихъ размѣрахъ, которые были бы сильны дѣтскому разумѣнію. Такъ же должны поступать воспитатели и тогда, когда дитя становится юношей. Когда дитя начинаетъ болѣе сознательно смотрѣть на окружающую его дѣйствительность и самосознаніе его возрастаетъ, то родители должны пользоваться этимъ, чтобы расширить его понятіе о Богѣ, чтобы раскрыть шире вопросъ о духовномъ спасеніи.

(Продолженіе будетъ).

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

„Вселенскій“ писатель и мыслитель, графъ Толстой умеръ.

Умеръ великій писатель при странной обстановкѣ: вивъ семь и дома, окруженный чужими для него (по духу и жизни) людьми, которыхъ онъ при жизни презиралъ всеми фибрами своей великой души, умеръ въ какомъ-то Астаповѣ, въ чужой квартирѣ... Странное событіе!

Умеръ—отлученный отъ Церкви, не примиренный съ нею даже и на смертномъ одрѣ. И не его тутъ вина: окружавшая его въ минуту смерти „интеллигенція“ упорно воспротивилась сношеніямъ умирающаго съ

кѣмъ-либо изъ „церковниковъ“... Къ нему не пустили даже его друга, игумена Варсоноія... Даже и жену его не пустили...

Что происходило въ душѣ великаго умирающаго старца, объ этомъ кто и знаетъ, тотъ будетъ молчать. Самое его бѣгство въ Оптину и Шемардинъ очень ясно свидѣтельствуетъ о его настроеніи...

Пусть этотъ гнусный поступокъ падетъ на головы тѣхъ, кто лишилъ умирающаго послѣдняго земного утѣшенія!

Теперь, послѣ его смерти, мы никакъ не можемъ, не должны помнить того зла, какое принесъ онъ христіанству и православію... „Что горсть песку, брошенная въ море, то—грѣхи всякаго человѣка предъ милосердіемъ Божиимъ“, говорилъ извѣстнѣйшій подвижникъ, св. Исаакъ Сиринъ... Одинъ часъ истиннаго глубокаго воздыханія, сердечной молитвы ко Христу въ состояніи совершенно очистить его душу отъ тяжести даже тѣхъ страшныхъ хуленій, какія изрекалъ покойный, увлекаемый непомерной гордыней своего ума и подстрекаемый общимъ врагомъ рода человѣческаго....

И мы не знаемъ, умеръ-ли онъ въ мирѣ съ Церковью, или нѣтъ. Одинъ Богъ это вѣдаетъ... Пусть и будетъ Онъ Милостивымъ Судіею великому умершему. Вѣдь, въ жизни своей онъ былъ христіаниномъ, христіанство онъ цѣнилъ дороже всего на свѣтѣ; не опускалъ онъ ни одного случая напомнить интеллигентской толпѣ тѣ вѣчные идеалы, надъ которыми эта толпа открыто и всегда глумится...

Безконечно горько слышать эту трескотню, называемую у насъ „гражданскими похоронами“, гражданской „панихидой“... Духъ шлетъ общенія съ духомъ черезъ Духъ...

Иныхъ путей нѣтъ... И не слышитъ усопшій всѣхъ тѣхъ, расточаемыхъ ему теперь, трескучихъ фразъ, коими думаютъ замѣнить христіанскіе похороны... Вѣдь, болѣе всего не выносилъ покойный атеистовъ да революціонеровъ... И зачѣмъ они здѣсь? Что они могутъ дать ему?

Покойный писатель своей великой душой не принадлежалъ и не принадлежитъ окружающей его интеллигентской толпѣ. Л. Толстой—писатель совершенно иного пошиба.

Толстой ненавидѣлъ революцію... Онъ въ свое время прогналъ съ позоромъ „депутацию“ московскихъ рабочихъ, явившихся къ нему за „благословеніемъ“ предъ всероссійской забастовкой въ 1906 году.

— Дурно живется только дѣтямъ да шнырякамъ... Вотъ какимъ „благословеніемъ“ награждать покойный забастовщиковъ...

Ненавидя революцію всеми фибрами души, покойный ненавидѣлъ пьянство, распутство (по всѣмъ видамъ), порнографію, картежъ, праздную, роскошную интеллигентскую жизнь и ничего-недѣланіе подъ этикеткой „служенія искусству, наукѣ и литературѣ“. Покойный требовалъ работы, прежде всего, внутренней, работы надъ самимъ собой...

Было бы большою наивностью полагать, что вся настоящая похоронная шумиха вызвана исключительно сознаниемъ заслугъ Толстого и скорбью о великой утратѣ. Для современной революціонной интеллиген-

діи Толстой совершенно непонятенъ; онъ далекъ отъ нея былъ и при жизни, далекъ и теперь. Не ошибемся, если скажемъ, что 9/10 этихъ депутацій Толстой ни въ какомъ случаѣ не принялъ бы...

И не литературныя или идейныя заслуги Толстого привлекаютъ такую массу „депутацій“ до шахматныхъ включительно. Оцѣнить Толстого не пришло еще время; половина интеллигенціи его не понимаетъ; четвертая часть относится враждебно. Шумиха эта вызвана исключительно неодолимою потребностью нашей интеллигенціи во что-нибудь да вѣрить, предъ кѣмъ-нибудь преклоняться, кому-нибудь да молиться. Нужны боги, а имъ нужны жертвы. За утратой религіозной вѣры въ Бога образовалась въ сердцахъ пустота, которую необходимо заполнить чѣмъ-либо, хотя-бы по виду идейнымъ. Вотъ и заполняютъ...

И только немногіе, очень немногіе пришли подъ влияніемъ искренняго скорбнаго чувства, вызваннаго яснымъ и отчетливымъ представленіемъ о томъ, кто былъ покойный писатель... И эти немногіе не могутъ не скорбѣть, видя, какъ у гроба дорогого покойника совершается то, что онъ при жизни презиралъ и ненавидѣлъ.

Старый знакомый.

Изъ общей церковной жизни.

Проповѣдь язычества.

Недавно г. Гладковъ и д-ръ Тихомировъ во время своихъ лекцій о буддизмѣ предсказывали, что постройка буддійскаго капища знаменуетъ, что въ Петербургѣ начнется оживленная проповѣдь язычества, потому всѣмъ православнымъ вѣрующимъ христіанамъ не обходимо быть готовыми въ этой пропагандѣ, чтобы встрѣтить ее во всеоружіи.

Они были правы—эта проповѣдь началась. „Бѣдныхъ ламаитовъ“, изнывавшихъ, по увѣренію сіятельныхъ князей, отъ невозможности удовлетворить свои религіозныя потребности за неимѣніемъ въ Петербургѣ идоловъ и капищъ, гдѣ бы имъ приносились жертвы, въ наличности не оказалось даже и для того, чтобы, какъ говорятъ крестьяне, „для прилики“ посадить ихъ въ строительный комитетъ капища, сплошь состоящій изъ христіанъ... по паспорту.

Но если въ Петербургѣ ламаитовъ нѣтъ, такъ это не значитъ, что ихъ и не будетъ. Подходящій матеріалъ есть, нужно только его „обработать“.

И „обработка“ началась, и идетъ быстрымъ темпомъ. Уже „Пет. Листокъ“ объявилъ Будду „просвѣтителемъ Азіи“. До сихъ поръ въ христіанскихъ государствахъ считалось, что Азія коснѣетъ во тьмѣ язычества, и всѣ европейскія государства снаряжали туда миссіи, посылали христіанскихъ проповѣдниковъ для проповѣди Св. Евангелія, а теперь оказывается, что Азія „просвѣщена“ Буддой. Намъ удивляетъ одно, если идолопоклонствующая Азія является „просвѣщенной“, а Будда, идола котораго она поклоняется, „просвѣтителемъ“, то почему же Магомета не надѣлать титуломъ „просвѣтителя“ Аравіи, Средней Азіи и т. д. Если идолопоклонство „просвѣщеніе“, то магометанство тьма болѣе.

„Нов. Вр.“ пошло еще дальше: оно устами г. Меньшикова пояснило, что коснѣющею во тьмѣ является христіанская Европа, а въ частности, Россія, и что Будда не только „просвѣтитель“ Азіи, но ему предстоитъ быть и „обновителемъ“ Россіи, такъ какъ послѣдней предстоитъ возвратиться къ Богу чрезъ идолопоклонство.

Намъ думается, что этихъ двухъ наиболѣе яркихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, съ какой радостью срѣчается петербургскою печатью истуванъ Будды. Но мы должны отмѣтить, что не всѣ такъ откровенны, какъ г. Меньшиковъ, и не всѣ открыто заявляютъ, что золотой идолъ Будды долженъ водвориться на мѣсто креста Христова,—другіе сознаютъ, что рѣзкая, грубая проповѣдь язычества и отрицаніе христіанства оттолкнетъ людей даже и не особенно вѣрующихъ, и вообще заставитъ всѣхъ быть на сторожѣ и принимать свои мѣры къ борьбѣ съ пропагандой идолопоклонства.

Вотъ почему другіе агенты язычества стараются увѣрить, что буддизмъ, во 1-хъ, не имѣетъ никакого стремленія въ прозелитизму, во 2-хъ, не только не враждебенъ христіанству, а собственно содержитъ то-же христіанство, только явившееся еще до Христа, и что Будда даже Православною Церковью признается святымъ подъ именемъ царевича Іоасафа, и потому можно одновременно быть христіаниномъ и буддистомъ. („Коловола“).

Соборъ Романовыхъ.

Депутатъ отъ духовенства въ с.-петербургской городской думѣ протоіерей Ф. Н. Орнатскій внесъ въ Думу слѣдующее предложеніе объ ознаменованіи предстоящаго 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ:

„Я предлагаю с.-петербургской городской думѣ предстоящую 300-лѣтнюю годовщину царствованія Дома Романовыхъ ознаменовать построеніемъ храма-памятника.

Храмъ долженъ быть подобно собору Василия Блаженнаго въ Москвѣ,—оговариваюсь, не въ архитектурномъ отношеніи,—многопрядѣльный. Прядѣлы должны быть посвящены тѣмъ святымъ, имена коихъ носили Русскіе Государя, начиная съ Царя Михаила Ѳеодоровича. Имѣя въ виду, что три Петра носили имя одного и того же святого, такъ же, какъ и три Александра, равно и Государя Императоры Николай I и Николай II, такихъ прядѣловъ въ храмъ должно быть, до 12-ти (къ сожалѣнію, я не о всѣхъ Государяхъ знаю, имена какихъ—святыхъ носили они). Можетъ быть прядѣловъ и меньше, если соединить святыхъ, на примѣръ, прядѣлъ свв. апостоловъ Петра и Павла, свв. Алексія митрополита и Александра-Невскаго и проч. Главный прядѣлъ долженъ быть посвященъ св. Михаилу Маленну (память 12-го іюля), имя котораго носилъ первый Романовъ, и такимъ образомъ соборъ получилъ бы наименованіе Михайловскаго.

Храмъ этотъ также обязательно долженъ быть приходскимъ, т. е. доступный для народа, и въ немъ ежегодно, въ дни тезоименитствъ и кончины Императоровъ, должны твориться соотвѣтствующія поминкованія ихъ.

Кромѣ того, какъ памятникъ великихъ дѣлнхъ Государей, храмъ этотъ на стѣнахъ наружныхъ

внутреннихъ, подобно храму Христа Спасителя въ Москвѣ, долженъ быть расписанъ картинами наиболее знаменательныхъ дѣяній ихъ и картами земельныхъ приобрѣтеній, совершенныхъ Россіею въ то или другое царствованіе.

Величію этого храма-памятника должно соответствовать и мѣсто его построения. Такимъ мѣстомъ можетъ быть уголъ набережной Петра Великаго при заворотѣ на Петербургскую набережную, на берегу рѣки Невы, рядомъ съ вновь выстроеннымъ училищнымъ домомъ имени Петра Великаго. Здѣсь колыбель города Петербурга. Здѣсь домикъ Петра Великаго, здѣсь первая сооруженная Петромъ приходская церковь—Троицкій соборъ, здѣсь Петропавловская крѣпость. Здѣсь же, съ другой стороны, и завершеніе трехсотлѣтняго періода царствованія Государей изъ Дома Романовыхъ—храмъ-памятникъ, который, я увѣренъ, приобрѣтетъ въ народѣ краткое именованіе—соборъ Романовыхъ. Петербургскую набережную, служащую продолженіемъ набережной Петра Великаго, я предлагаю переименовать въ набережную Романовыхъ.

Наконецъ, нельзя не сказать въ пользу этого проекта ознаменованія 300-лѣтія Дома Романовыхъ и того, что храмовъ въ Петербургѣ слишкомъ мало сравнительно съ все возрастающимъ населеніемъ нашей столицы. Мнѣ пришлось быть близкимъ свидѣтелемъ построения больше десяти церквей въ нашемъ городѣ. Каждый разъ, какъ приступали къ постройкѣ того или другого храма, кругомъ говорили, что этотъ храмъ лишній, что тутъ и безъ него много церквей. Однако, какъ только освящался храмъ и въ немъ заводилась благолѣпная служба съ одушевленной живою проповѣдью, и новый храмъ по большимъ праздникамъ становился тѣсенъ.

Въ указанномъ мѣстѣ Петербургской стороны приходскій храмъ будетъ особенно дорогъ. Съ постройкою Троицкаго моста Петербургская сторона застраивается новыми громадными домами, а храмовъ не прибавляется. При наличіи же Самсоновскаго моста, который для трамвайнаго движенія, безъ сомнѣнія, будетъ замѣненъ вскорѣ постояннымъ каменнымъ, проектируемый соборъ Романовыхъ будетъ посѣщаться и обывателями Выборгской стороны, приходскіе храмы которой—Самсоновскій соборъ и Спасобочаринская церковь—очень далеко отстоятъ отъ мѣстности проектируемаго собора.

Я не говорю объ архитектурномъ стилѣ собора Романовыхъ, а также о средствахъ на постройку его. Первое—дѣло архитекторовъ, второе—городской думы, которая должна отпустить на постройку этого храма-памятника средства, достойныя столичнаго города Великой Россійской Имперіи, основаннаго Великимъ Романовымъ и служащаго резиденціею русскихъ Императоровъ изъ династіи Романовыхъ.

Не будетъ противорѣчить идеѣ этого проекта, если на постройку собора Романовыхъ пойдутъ и тѣ средства, которыя ассигнуются уже земствами и городами земли русской на созданіе храма-памятника въ ознаменованіе предстоящаго 300-лѣтія.

При этомъ городскую думу не должно смущать то обстоятельство, что въ Петербургѣ строится уже храмъ въ ознаменованіе 300-лѣтія царствованія Го-

сударей изъ дома Романовыхъ; разумѣю храмъ, сооружаемый Феодоровскимъ городецкимъ монастыремъ нижегородской епархіи. Храмъ этотъ строится въ глухой мѣстности Петербурга, у товарной станціи Николаевской желѣзной дороги, строится чуждымъ Петербургу подворьемъ иноепархіальнаго монастыря.

Казанскій епархіальный съѣздъ 1910 года о борьбѣ съ пьянствомъ.

1. 19 августа послѣ обычнаго начала подъ предсѣдательствомъ протоіерея А. В. Смирнова слушали письмо крестьянъ села Качальника, Донской области, слѣдующаго содержанія: „Сегодня мы прочитали въ газетѣ, что казанскій епархіальный съѣздъ вошелъ въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ объ установленіи особой молитвы объ избавленіи народа отъ пьянства, и что молитва эта будетъ читаться во время богослуженія и распространяться въ народѣ. Приносимъ съѣзду нашу почтительно-глубочайшую благодарность отъ себя и отъ крестьянъ села Качальника, Донской области, за попечительные труды о насъ, темныхъ крестьянахъ. Матери и жены наши слезно просятъ казанскій епархіальный съѣздъ поддержать свое ходатайство въ Св. Синодѣ, дабы такая молитва была установлена и читалась во время богослуженія священникомъ вслухъ, громко, предвозвѣщенная діакономъ призывомъ къ молитвѣ объ избавленіи народа отъ пьянства. Надо надѣяться, что у самаго развращеннаго пьяницы въ это время проснутся лучшія нравственныя стремленія къ исправленію, и онъ исправится, ибо обѣщаніе дастъ въ храмѣ за общей молитвой. Только на помощь Божію и есть надежда въ исцѣленіи народа отъ этого ужаснаго недуга. Кровь стынетъ при видѣ, какъ наши пьяные мужья терзаютъ своихъ несчастныхъ женъ и какъ грязныя, оборванные дѣтиски кричатъ кругомъ: „Мама, мама“... А преступленія, поджоги, грабежи... все это дѣлалось и дѣлается подъ пьяную руку. Молимся Господу Богу объ успѣхѣ Вашего человеколюбиваго ходатайства. Крестьяне села Качальника“.

Постановили: Принимая во вниманіе такое сочувственное отношеніе крестьянъ села Качальника, Донской области, несомнѣнно, выражающее „голосъ не однихъ этихъ крестьянъ, составить безотлагательно молитву объ избавленіи слабыхъ людей отъ страшнаго недуга—пьянства для чтенія сей молитвы при богослуженіи въ такіе дни, когда болѣе всего предаются винопитію, какъ, напр., въ храмовые праздники, въ недѣлю Мясопустную и т. д. и испросить благословеніе Св. Синода на употребленіе этой молитвы при богослуженіи; покорнѣйше просить члена предсѣздной комиссіи протоіерея Н. А. Воронцова принять на себя трудъ составленія краткой, но выразительной молитвы о помощи Божіей въ избавленіи отъ пьянства.

2. Въ связи съ этимъ вопросомъ было сдѣлано членами съѣзда заявленіе, что мѣры борьбы духовенства съ народнымъ пьянствомъ, выработанныя епархіальнымъ съѣздомъ 1909 года, трудно практически осуществить. Такъ, на прошломъ съѣздѣ было постановлено по вопросу о борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ: „должно широко развить чтенія о громадномъ вредѣ пьянства въ религіозно-нравственномъ, гигиеническомъ, общественномъ и экономическомъ отноше-

ніяхъ; чтенія сопровождаютъ общимъ пѣніемъ и тѣневыми картинами, при помощи которыхъ можно наглядно показать и объяснить, какой вредъ организму человека приноситъ неумѣренное употребленіе вина; вывѣсить понятныя и убѣдительныя для всехъ, художественно исполненныя въ нѣсколько красокъ, наглядныя картины: 1) „Въ минуты трезвости“ (ц. 20 к.), 2) „Жизнь трудолюбиваго и честнаго человека“ (ц. 15 к.), 3) „Жизнь лѣниваго и порочнаго человека“ (ц. 15 к.), 4) „Внѣшній видъ и здоровья внутренности трезвенника“ (ц. 30 к.), 5) „Внѣшній видъ и пораженная внутренности алкоголика или пьяницы“ (ц. 30 к.), — на папертяхъ храмовъ, въ церковно-приходскихъ школахъ и около мірскихъ караулокъ, гдѣ собираются сельскіе сходы; кромѣ того около караулокъ и въ школахъ еще—рисунки, изображающіе вліяніе алкоголя на печень и желудокъ человека. Для руководителей тоже на церковныя средства слѣдуетъ выписать въ каждый приходъ издаваемый Александромъ Невскимъ Обществомъ трезвости въ С.-Петербургѣ журналъ „Трезвая жизнь“ 1 р., или также недорогой журналъ „Трезвые Выходы“. Кромѣ того для отвлеченія населенія отъ нехристіанскаго проважденія праздничныхъ вечеровъ зимой полезно вести бесѣды по улучшенію сельскаго хозяйства, о самомъ благородномъ развлеченіи—пониманіи премудрости Божьяго міра и о громадномъ значеніи с.-х. труда, а по лѣтамъ—производить опыты, наблюденія и обмѣнъ мнѣній на пчельникахъ, въ садахъ, питомникахъ и т. п. небольшихъ приходскихъ показательныхъ с.-х. станціяхъ“. Между тѣмъ священники часто и при желаніи вести чтенія не имѣютъ ни средствъ, ни возможности пользоваться тѣневыми картинами. Правда, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ епархіи учителямъ и священникамъ предупредительно выдаются изъ земскихъ складовъ и уѣздныхъ комитетовъ попечительства о народной трезвости и фонари и тѣневныя картины; но въ другихъ уѣздахъ священники должны приобрѣтать все это на собственные средства. Въ виду этого слѣдовало бы обратиться епархіальному съезду чрезъ Его Высокопреосвященство къ губернскому комитету попечительства о народной трезвости съ просьбою—приобрѣсти во всехъ уѣздахъ запасъ волшебныхъ фонарей и тѣневыхъ картинъ съ тѣмъ, чтобы священники имѣли возможность пользоваться ими для устройства чтеній какъ о вредѣ пьянства, такъ и другого содержанія.

Постановили: Предложить духовенству епархіи при желаніи вести народныя чтенія для отвлеченія народа отъ пьянства обращаться за содѣйствіемъ къ представителямъ отъ духовенства въ уѣздныхъ комитетахъ попечительства о народной трезвости, которые и должны всѣми мѣрами заботиться о томъ, чтобы уѣздные комитеты приобрѣтали фонари и тѣневныя картины для раздачи ихъ духовенству. („Извѣстія по Казанской епархіи“).

Разныя извѣстія.

Москва. Въ ознаменованіе трехсотл. воцаренія Дома Романовыхъ, монастыри московской епархіи рѣшили построить при московской Покровской общинѣ сестеръ милосердія больницу на 60 коекъ. Пожертвованія поступали уже отъ слѣдующихъ монастырей: отъ

Знаменскаго на Варваркѣ—5 тыс. руб., Новодевичьяго—3 тыс. руб., Алексѣевскаго—3 тыс. руб., Скорбященскаго—3 тыс. руб., Зачатіевскаго—3 тыс. руб., Вознесенскаго—2 тыс. руб.

Уфа. Земства уфимской губерніи оказали существенную помощь на хозяйственныя нужды церковно-приходскихъ школъ. Бирское земство въ пособіе церковнымъ школамъ назначило 3852 руб., уфимское 840 р., стерлитамакское 500 р., белебеевское 1275 руб. и мензелинское 2000 р.

Архипастырское ходатайство за оскорбителя. Преосвященный Митрофанъ, узнавъ изъ газетъ, что сельшеру Войту, оскорбившему его, грозитъ увольненіе со службы, обратился къ городскому головѣ И. И. Глазуну съ письмомъ, въ которомъ проситъ не возлагать на него тяжелой нравственной отвѣтственности за несчастье семьи. Преосвященный выражаетъ надежду, что общественное осужденіе будетъ Войту достойнымъ урокомъ.

† **А. А. Златомрежьевъ.** 11 ноября опустили въ землю прахъ чл. Г. Думы о. Аркадія А. Златомрежева. О. Златомрежьевъ родился въ 1852 г. За ровный характеръ, терпимое отношеніе къ убѣжденіямъ другихъ, сердечную отзывчивость, искренность и прямоту покойникъ о. Аркадій пользовался любовью и уваженіемъ своихъ собратьевъ-членовъ Гос. Думы. Свѣтлый умъ, скромность и простота въ обращеніи были его лучшими украшеніями. Личность покойнаго была обаятельна. „Послѣ разговора съ о. Аркадіемъ,—сказалъ мнѣ одинъ изъ „мятущихся“ молодыхъ людей,—я почувствовалъ облегченіе. Иными мнѣ показались люди. Свою вѣру и любовь онъ влилъ и въ мою душу“.

Заупокойную литургію совершалъ вмѣстѣ съ священниками, членами Думы еп. холмскій Евлогій. Преосвященный Митрофанъ гомельскій сказалъ прекрасное слово.

Огнѣваніе совершали оба епископа.

Погребеніе совершено въ Александро-Невской Лаврѣ.

Семья покойника состоитъ изъ девяти душъ дѣтей, изъ которыхъ четверо обучаются въ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ мѣстной епархіальной хроники.

Архіерейскія богослуженія. Въ воскресенье 14-го ноября, въ день рожденія Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, Преосвященнѣйшій Іоакимъ, епископъ нижегородскій, совершалъ литургію и благодарственный молебень въ кафедральномъ соборѣ при участіи городского духовенства и въ присутствіи начальствующихъ въ городѣ лицъ.

Въ тотъ-же день Преосвященнѣйшій Геннадій, епископъ балахнинскій, совершалъ литургію и благодарственный молебень въ церкви Маріинскаго института. Пѣлъ хоръ воспитанницъ института.

Освященіе зданія богадѣльни. 12-го ноября Преосвященнѣйшій Іоакимъ совершалъ литургію въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Послѣ литургіи состоялся крестный ходъ во вновь отстроенное зданіе для богадѣльни монашествующихъ и въ немъ отслуженъ Его

Преосвященствомъ молебень съ водоосвященіемъ. При освященіи зданія богатырски присутствовали: г. нижегородскій губернаторъ камергеръ А. Н. Хвостовъ и главные жертвователи на постройку его -- Я. Е. Башкировъ съ супругой, г-жа Баулина и др.

Бесѣда въ Георгіевскомъ Домѣ 14-го ноября бесѣду началъ прот. М. Р. Кудрявцевъ изложеніемъ евангелія объ исцѣленіи гадаринскаго бѣсноватаго и разсужденіемъ о холодности современнаго общества въ дѣлахъ вѣры. Преосвященный Геннадій говорилъ о наказаніяхъ, какъ средствѣ воспитанія въ страхъ Божию.

О.о. діаконъ Ремизовъ, Фаминскій и Зефировъ превосходно исполнили тріо „Хвалите имя Господне“ и другія пѣснопѣнія, а въ заключеніе—народный гимнь.

Посѣщеніе Его Преосвященствомъ Оранскаго монастыря. Въ среду 17-го ноября Преосвященнѣйшій Іоакимъ выѣзжалъ изъ Н.-Новгорода въ Оранскій монастырь и въ тотъ же день возвратился обратно.

Село Городецъ, ниж. губ. Недавно городецкое общество чествовало 35-ти-лѣтнюю миссіонерскую дѣятельность извѣстнаго въ нижегородской губерніи миссіонера, И. П. Ламакина. По этому случаю мѣстное духовенство и многіе изъ почитателей юбиляра, составляющіе городецкое отдѣленіе миссіонерскаго братства, поднесли ему образъ Спасителя и адресъ, гдѣ обрисовывается дѣятельность г. Ламакина, обвѣдшаго въ теченіе своей 35-лѣтней работы болѣе 800 приходовъ нижегородской и сосѣднихъ епархій. („Волг.“)

Изъ общественной жизни.

Великій врагъ цивилизаціи.

1.

Жизнь есть сонъ, смерть—пробужденіе.

Монтень.

Мы скучиваемся въ городахъ, изнѣживаемъ себя, губимъ свое здоровье и, не смотря на всѣ наши увеселенія, умираемъ отъ скуки и отъ сожалѣнія, что жизнь наша не такая, какая она должна быть

Л. Толстой.

Онъ умеръ, но никогда еще не жилъ въ душѣ русскаго народа такою глубокою и такою пламенною духовною жизнью, какъ въ день своей смерти. Онъ говорилъ: „смерть—пробужденіе“, и дѣйствительно, своей смертью онъ пробудился для безсмертія, пробудилъ во всѣхъ безсмертную скорбную любовь къ себѣ,—любовь, вмѣстѣ со смертью какъ бы воскресшую отъ сна. Именно къ нему, Льву Толстому, всего ближе подходитъ сравненіе съ тѣми угасшими свѣтилами, которыя, правда, потускнѣли, померкли, но все еще продолжаютъ сіять для земли; мертвыя, для земли они еще живы и еще долго, долго будутъ зажигать своимъ свѣтомъ человека.

У нашихъ интеллигентовъ распространены предразсудокъ, будто слѣдуетъ „признавать“ Толстого, только лишь какъ беллетриста, и „не признавать“, какъ философа. Но Толстой—одна изъ царствъ мысли сравнимый только съ собой же—въ царствѣ по-

эзи, и незначѣмъ разрывать его на части, его, который, какъ мыслитель, не былъ во враждѣ съ собою, какъ художникомъ. И разрозненно, и темно, непонятно казалось бы его художественное творчество, если бы оно не было озарено свѣтомъ его философіи. Эта послѣдняя не болѣе, какъ лишь переложеніе въ прозѣ того, что было уже имъ сказано раньше—поэтическими образами, типическими литературными обобщеніями. Нѣтъ другого писателя, всѣ произведения котораго были бы болѣе связаны одной обобщающей идеей, единой душой, которая даетъ жизнь имъ всѣмъ, одинаково литературнымъ и философскимъ. Эта идея—неизмѣнный духъ его творчества, котораго отдѣльныя произведенія—лишь частичное выраженіе, заключается въ *отрицаніи*, жестокихъ обличеніяхъ *человѣка цивилизаціи*.

Мы не можемъ не признавать Толстого, какъ „врага цивилизаціи“, даже, если бы совершенно отвергали его общественную философію. Онъ отрицалъ цивилизацію далеко не въ однихъ только своихъ философскихъ трактатахъ, но также и въ беллетристикѣ, —наглядными картинками, путемъ литературныхъ обобщеній дѣйствительности, посредствомъ каждаго отдѣльнаго типа, созданнаго такимъ образомъ, что онъ всегда обобщалъ собою исключительно лишь уродливости, пороки цивилизаціи, но никогда не обобщалъ, жизненно и натурально, ея положительныя черты. Каждый изъ его литературныхъ персонажей—краснорѣчивая иллюстрація его парадоксальныхъ отрицаній. Его художественное творчество—не менѣе жестокая критика современной цивилизаціи, чѣмъ грозныя обличенія извращенныхъ нравовъ цивилизованнаго общества и презрѣніе къ цивилизаціи, выраженныя въ философскихъ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ.

Въ одномъ изъ этихъ произведеній мы находимъ личное признаніе Толстого въ безсиліи претворить въ обобщающіе типы свѣтлыя черты цивилизаціи; онъ самъ признавалъ, что въ отображеніи его литературныхъ твореній существуютъ лишь черныя пороки, зло цивилизаціи. И дѣйствительно, начиная съ дѣйствующаго лица его ранней повѣсти „Казакъ“,—этого героя нѣсколько самовлюбленнаго меланхолизма, который сначала разочаровался въ цивилизаціи, въ своемъ свѣтскомъ цивилизованномъ обществѣ, и затѣмъ отправился на поиски непосредственныхъ натуръ и простоты въ жизни, кончая княземъ Нехлюдовымъ изъ „Воскресенія“, который въ средѣ салонной цивилизаціи, подобно скорбному Чацкому, испытывалъ „милліонъ терзаній“ отъ низкихъ нравовъ, великосвѣтскаго невѣжества и злобности людей—дѣла культурнаго общества, каждый изъ его героевъ—живое компрометированіе цивилизаціи. Весь этотъ міръ цивилизаціи, созданный творящимъ авторскимъ воображеніемъ Льва Толстого, всѣ люди, созданные имъ, правда, литературные, но живые, жизненные болѣе, чѣмъ сама жизнь, въ подавляющемъ большинствѣ это такъ называемые „отрицательные герои“, т. е. люди испорченныя цивилизаціей; но если есть среди нихъ избранники, любящія Толстого, къ которымъ онъ склоняется расположеніе и симпатіи читателей, то „положительными героями“ они являются лишь постольку, поскольку они *отрицаютъ* цивилизацію, по-

сволюку не уживаются среди этой „гнилой цивилизаціи“ и въ своемъ бунтующемъ протестѣ выражаютъ собой отреченіе отъ старыхъ, злыхъ социальныхъ традицій.

Но, можетъ быть, въ беллетристическихъ произведеніяхъ Толстой обличалъ не пороки, *возвращенные цивилизаціей*, но, напротивъ, пороки *ложной цивилизаціи*, недостаточной, только внѣшней цивилизованности? Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, его художественное творчество—совсѣмъ не разрушительная критика современной цивилизаціи, а, напротивъ, ея утвержденіе? Однако, вѣдь и въ философскихъ сочиненіяхъ онъ отрицалъ цивилизацію не потому, конечно, что она была только цивилизаціей, но потому, что она была именно *ложной цивилизаціей*, и при этомъ признавалъ при современныхъ условіяхъ невозможнымъ существованіе иной цивилизаціи, кромѣ ложной. Въ беллетристикѣ же своей даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ Толстой вторилъ своей философіи: онъ обнаруживалъ полное безсиліе, когда пытался изображать иную цивилизацію, кромѣ ложной, подчеркивая этимъ свое, тогда еще не вполне сознательное убѣжденіе въ нереальности, иллюзорности истинной цивилизаціи. Такимъ образомъ, какъ художникъ, Л. Толстой, хотя и не сознательный врагъ цивилизаціи, не былъ, благодаря этому, менѣе опаснымъ.

Толстой не ограничился лишь своимъ презрительнымъ отношеніемъ къ „гнилой цивилизаціи“, но также превалировалъ передъ не-цивилизацией, передъ непосредственностью и некультурнымъ народомъ. Насколько онъ былъ суровымъ обличителемъ челоѣка цивилизаціи, настолько благоговѣлъ передъ челоѣкомъ природы. Онъ не разъ исповѣдывался передъ читателями въ своей особенной, „физической“, какъ онъ выражался, любви къ русскому мужику. Кромѣ нападокъ на цивилизацію, этотъ другой господствующій мотивъ его философіи,—тяготѣніе къ естественной непосредственности,—былъ постоянно также и мотивомъ его литературно-художественной дѣятельности. Конечно, Левъ Толстой, какъ „беззавѣтный реалистъ“, былъ далекъ отъ сентиментальнаго идеализированія „пахотниковъ“ въ стилѣ, напр., слащавыхъ, лже-народническихъ повѣстей Григоровича, но, во всякомъ случаѣ, его нецивилизированные мужики несравненно нравственнѣе и привлекательнѣе цивилизованныхъ, но безвольныхъ и бездушныхъ интеллигентовъ. Въ контрастѣ этимъ интеллигентамъ, горькимъ плодамъ современной цивилизаціи, ею взлелѣаннымъ и возможнымъ лишь въ ея средѣ, въ средѣ крайняго неравенства, блаженнаго, сытаго ничего-недѣланія, привилегированнаго барства и черной нужды непривилегированной бѣдности,—Левъ Толстой поставилъ мужика, который даже во „власти тьмы“, преступникомъ (Никита, напр.) вызывалъ въ немъ болѣе отрадное чувство. „Во власти тьмы“, во власти безжалостно-грубаго, озлобленно-хитраго простонародья Толстой отыскалъ свѣтлый образъ стараго Аяима, нѣжными и безконечно-милыми чертами обрисовавъ его добродушно-комическую фигуру; но въ „плодахъ просвѣщенія“,—вотъ въ чемъ онъ видѣлъ настоящую безпросвѣтную „тьму“, „просвѣщенное“ шарлатанство, цивилизованное варварство.

Unicus.

(Окончаніе будетъ).

О свободѣ совѣсти.

Однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современной дѣйствительности является вопросъ о такъ называемой свободѣ совѣсти. Этимъ вопросомъ занимаются не только общество и пресса, но и законодательныя палаты; онъ волнуетъ людей не только вѣрующихъ, но и маловѣрующихъ и даже совсѣмъ невѣрующихъ... И рѣшаютъ этотъ вопросъ не одинаково: одни стоятъ за безусловную свободу совѣсти, другіе совершенно отрицаютъ всякую свободу...

Мудрость вѣка сего, не подкрѣпляющая себя мудростью Божественною, полагаетъ, что всякій челоѣкъ—господинъ себѣ самому во всемъ; поэтому можетъ и вѣровать и поступать по своей вѣрѣ, какъ ему угодно,—по собственной своей совѣсти. „Хочу—вѣрую, хочу—нѣтъ, никому нѣтъ до этого дѣла“. „Если я захочу пойти къ самому сатанѣ—кому какое дѣло“—говорятъ крайніе въ этомъ мнѣніи. „И не только могу вѣровать, но могу и проповѣдывать свою вѣру всѣмъ, кому хочу: кому какое до этого дѣло!“

Другіе, отрицая все это, впадаютъ въ иную крайность, полагая, что государство и Церковь могутъ принуждать совѣсть людскую поступать такъ, а не иначе,—употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы дать торжество принятымъ государствомъ и Церковью началамъ вѣры и благочестія и не давать никакой свободы никакимъ другимъ вѣрованіямъ, какъ заблужденіямъ... Таковъ взглядъ римско-католической церкви, придумавшей въ средніе вѣка инквизицію, какъ лучшее средство для искорененія иновѣрія. Были и у насъ люди съ подобными взглядами, напр., въ XV вѣкѣ новгородскій архіепископъ Геннадій: онъ полагалъ полезнымъ суровыя мѣры противъ „жидоествующей ереси“. Есть теперь не мало такихъ же сторонниковъ крайнихъ мѣръ... Какъ же опредѣлить свои отношенія къ этимъ взглядамъ намъ, православнымъ христіанамъ?—Отвѣтимъ кратко: если истина всегда въ срединѣ, то намъ надобно идти въ семъ вопросѣ тѣмъ путемъ, который на библейскомъ языкѣ называется царскимъ путемъ (Числ. 20, 17), т. е. избѣгать крайностей.

Прежде всего надобно уяснить себѣ понятія: свобода совѣсти и свобода вѣры... Одно-ли и то же: свобода совѣсти и свобода вѣры? Анализируя эти понятія, мы находимъ, что это не одно и то же! И совѣсть и вѣра относятся къ области духа, но природа ихъ различна. Совѣсть есть голосъ правды въ нашей душѣ,—голосъ сдѣланный насъ такъ или иначе... Этотъ голосъ или оправдываетъ наши мысли, наши чувства, наши дѣйствія, или осуждаетъ ихъ; это неумолимый судія, никогда и ни отъ кого независимый, непоколебимый. Отцы Церкви называютъ совѣсть челоѣческую голосомъ Божиимъ въ нашей душѣ. Совѣсть—это есть нечто автономное, самобытное и самодовлѣющее: она врождена челоѣку... Бываетъ, что подъ вліяніемъ всякаго рода страстей и обстоятельствъ жизни она слабо дѣйствуетъ въ челоѣкѣ, но никогда не бываетъ, чтобы она совсѣмъ исчезла, была атрофирована, какъ нынѣ выражаются. Рано или поздно она проснется съ новою силою въ челоѣкѣ и дастъ себя почувствовать въ необъяснимой тоскѣ, въ угрызенияхъ, въ терзаніяхъ

души... Это будет тотъ червь неусыпающій послѣ смерти для тяжкихъ грѣшниковъ, о которомъ Спаситель говоритъ въ Евангеліи. Такимъ образомъ, совѣсть дѣйствуетъ въ человѣкѣ въ области нравственной, и по природѣ своей совершенно ни отъ кого не зависима въ своихъ дѣйствіяхъ.

Вѣра есть такое или иное представление міра сверхчувственного,—Бога и всего того, что составляетъ содержаніе религіи; она относится тоже къ области духа человѣческаго, но дѣйствуетъ болѣе чрезъ познавательную силу духа и чувствительную, нежели—нравственную... Я могу вѣровать такъ или иначе, могу и вовсе не вѣровать: это есть дѣло моей убѣжденности въ томъ или другомъ предметѣ вѣры,—результатъ дѣятельности моихъ душевныхъ силъ. Въ данномъ случаѣ, кромѣ непосредственнаго чувства въ моей душѣ, тайнственно влекущаго меня къ признанію бытія живаго Бога и присущаго всеѣмъ людямъ,—много содѣйствуетъ и познавательная способность человѣка, его умъ, его сила сужденія... Въ сознаніи болѣе или менѣе уясняются понятія религіозныя; путемъ наблюденія и размышленія, воспріятія отъ другихъ, чтенія—эти понятія приводятся въ систему, умножаются, расширяются... Природа есть та первая книга, которая знакомитъ человѣка съ Богомъ и Его свойствами... Говоря о безотвѣтственности язычниковъ предъ Богомъ, ап. Павелъ объясняетъ намъ и тайну этого явленія, говоря слѣдующее: ибо, что можно знать о Богѣ, явно для нихъ: потому что Богъ явилъ имъ. Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсмотрѣніе твореній видимы, такъ что они безотвѣтны (Рим. 1, 19--20).

Такимъ образомъ, вѣра, такая или иная, есть нечто и субъективное,—собственное каждаго человѣка дѣло,—результатъ его личнаго пониманія предметовъ міра сверхчувственного и опредѣленія къ нимъ своихъ отношеній. Но то, что дѣлается въ моей совѣсти и въ моей душѣ, не подлежитъ никакому насилію, никакому принужденію; никакой законъ внѣшній—ни государственный, ни церковный, не можетъ заставить мою совѣсть говорить мнѣ такъ или иначе; а равнымъ образомъ, никакой законъ внѣшній не можетъ проникнуть въ мое сознаніе и въ область моего религіознаго чувства и заставить меня вѣровать такъ, а не иначе, чувствовать такъ, а не иначе: никакой законъ, пока я самъ не обнаружу и своей совѣсти и своихъ религіозныхъ убѣжденій вовнѣ,—не можетъ знать, что дѣлается въ моей душѣ, какаа тайна жизни тамъ совершается...

Такимъ образомъ выходитъ, что и въ дѣлѣ совѣсти и въ дѣлѣ вѣры, пока онѣ не выходятъ изъ области духа, никто и ничѣмъ не можетъ стѣснять этой свободы: здѣсь полная свобода человѣку. Поэтому всѣ разсужденія о стѣсненіи этой свободы есть, въ существѣ дѣла, праздный вопросъ. Секрета „читать въ сердцахъ людей“ еще не открыто; объ этомъ можно говорить только въ смыслѣ юмора и сатиры, но—не больше.

Другое дѣло, когда человѣкъ обнаруживаетъ свою вѣру, свои религіозныя убѣжденія вовнѣ,—когда онъ не довольствуется только личнымъ убѣжденіемъ, а еще хочетъ привлечь къ своимъ убѣжденіямъ и другихъ, когда даже хочетъ иногда, всякой правдой и неправдой, навязывать ихъ и другимъ: тогда,—что? Возможна-ли

здѣсь полная и ничѣмъ не ограниченная свобода?—Возможна, но только не для всякой вѣры, не вездѣ, не всегда и не во всемъ: здѣсь должны быть извѣстныя границы для такой свободы, и съ точки зрѣнія государственной и съ точки зрѣнія церковной...

Полная свобода вѣры (будемъ говорить такъ), какъ личной убѣжденности, такъ и обнаруженія ея въ какой бы то ни было формѣ, была бы возможна только внѣ общества, внѣ государства—тамъ, гдѣ люди живутъ каждый самъ по себѣ, не завися ни отъ кого и ни отъ чего,—т. е. въ состояніи животнаго индивидуализма и при полномъ анархизмѣ. Но тамъ, гдѣ заложены начала общественной жизни, гдѣ существуютъ благоустроенныя государства, гдѣ люди соединяются въ союзы для достиженія общихъ цѣлей и общихъ интересовъ, гдѣ должны быть извѣстныя ограниченія одного въ пользу другихъ,—гдѣ уже выработаны общія начала самосохраненія и личнаго и родового, гдѣ есть кодексъ нравственныхъ правилъ и приличій, общій для всѣхъ,—тамъ невозможна абсолютная свобода исповѣданія и проведенія въ жизнь своихъ религіозныхъ убѣжденій, а вмѣстѣ съ ними такихъ или иныхъ житейскихъ привычекъ, обычаевъ и отношеній, которые бы противорѣчили всему и шли бы въ совершенный разрѣзъ со всемъ. Возьмемъ для примѣра самую крайнюю крайность: наши изувѣрныя секты, особенно скопчество. Можно-ли въ интересахъ государства, заботящагося не только о здравіи наличнаго состава людей—гражданъ, но и о продолженіи рода человѣческаго въ будущемъ,—можно-ли допустить сознательное калѣчество людей—и по своей свободной волѣ и по фанатизму пропагаторовъ этого изувѣрства?! Въ исторіи сектантства было не мало громкихъ дѣлъ, когда изувѣры калѣчили, при посредствѣ усыпительныхъ капель, массы людей, оставаясь часто безнаказанными... Далѣе. Можно-ли допустить явно безстыдныя и безнравственныя дѣйствія оккультистовъ въ такъ называемыхъ „черныхъ мессахъ“? Можно-ли допускать и раднія хлыстовъ, „братцевъ“ и сестрицъ“, всякаго рода „старцевъ“, гдѣ часто увлекаемые обманомъ на эти раднія молодые люди обоюбого пола подвергаются здѣсь растлѣнію и физическому и нравственному?! Ясно, что здравый смыслъ государственныхъ людей, въ чувствѣ самосохраненія народнаго,—долженъ отказаться отъ такого принципа во всемъ его объемѣ и ограничить такую „свободу совѣсти“, такую пропаганду вѣры. Значитъ, нужна оцѣнка государства—въ такой или иной степени—въ дѣлѣ такъ называемой свободы совѣсти, или, какъ другіе говорятъ, въ ихъ обнаруженіяхъ и дѣйствіяхъ. „Самъ себя и про себя можешь вѣровать, какъ тебѣ угодно и какъ самъ знаешь,—такъ можетъ связать государство,—но навязывать другимъ всякую чушь, всякую нелѣпость, всякую нравственную распушенность—ради свободы—тебѣ не полагается. Потому что въ государствѣ и во всякомъ обществѣ наряду съ людьми зрѣлой мысли, зрѣлаго нравственнаго самочувствія есть и младенцы вѣрой, влающіеся вѣтромъ всякихъ ученій, которыхъ надобно такъ же оберегать отъ всякаго рода опасностей и вреда, какъ охранять мать свое дитя, не давая ему въ руки ножа или какиихъ-нибудь ядовитыхъ веществъ“...

Николай, архіепископъ варшавскій.

(Продолженіе будетъ).

Подвигъ или варварство?

Онъ „нашъ“, кричали въ день смерти Толстого тѣ, кто не признаетъ ни религии, ни Церкви,—онъ умеръ „нашимъ“...—Не спѣшите, друзья, съ своими восторгами, чей онъ—это еще находится подъ большимъ сомнѣніемъ.

Въ „Новомъ Времени“ помѣщена весьма примѣчательная бесѣда съ преосвященнымъ Пареніемъ, которому сынъ „Л. Н. Андрей Львовичъ“ заявилъ, что Левъ Николаевичъ по всей вѣроятности возвратился бы въ лоно Православной Церкви, если бы только ему была передана телеграмма митрополита Антонія, или допущены духовныя лица, пытавшіяся проникнуть къ больному. Къ сожалѣнію, Чертковъ и нѣкоторые врачи, враждебно настроенные противъ духовенства, не разрѣшили этого“.

Грустный рассказъ! А что онъ очень близокъ къ истинѣ, объ этомъ говоритъ краснорѣчиво письмо въ „Колоколъ“ 85-лѣтняго инока Оптиной пустыни, Эраста. Вотъ какъ передается здѣсь разговоръ Льва Николаевича въ Шамординѣ съ его сестрой-инокиней.

„—Сестра, я былъ въ Оптиной, какъ тамъ хорошо! Съ какою радостью я надѣлъ бы теперь подрясникъ и жилъ бы, исполняя самыя низкія и трудныя дѣла...“

— Съ тебя взяли бы условіе, отвѣчаетъ сестра Льва Николаевича,—ничего не проповѣдывать и не учить...“

„—Чему учить? Тамъ надо учиться; въ каждомъ встрѣчномъ насельникѣ я видѣлъ только учителя... Да, сестра, тяжело мнѣ теперь, А у васъ, что, какъ не эдемъ! Я и здѣсь затворился бы въ своей хранилѣ и готовился бы къ смерти“...“

Далѣе послѣ грустнаго воспоминанія о томъ, что онъ отлученъ, что истинно православные крестьяне отходятъ отъ него, графъ говоритъ: „Завтра я ѣду въ скитъ къ отцамъ, я надѣюсь, какъ ты говоришь, что они меня примутъ. Итакъ, докторъ, завтра мы въ Оптиной въ ночь“...“

Но тѣ, которымъ этого не хотѣлось, приняли свои мѣры: въ 5 часовъ вечера неожиданно пріѣхала въ Шамордино дочь Льва Николаевича и спѣшно увезла его въ ночь, но уже, конечно, не въ Оптину пустынь. „Съ Богомъ, поскорѣй. Минута дорога!“ крикнула она, садясь въ экипажъ. Да, дѣйствительно, минута, видимо, ловко выбранная для того, чтобы совершить насиліе надъ душой старца, была дорога: еще часъ, еще одна бесѣда съ какимъ-либо старцемъ или своей же сестрой, и, можетъ быть, міръ удивился бы, увидѣвъ Льва Николаевича въ подрясникѣ. Но онъ былъ вырванъ силой изъ-подъ благодатной сѣни обители, подъ кровъ которой пріѣхалъ самъ, никѣмъ насильно не влекомый.

Какъ цѣнить этотъ поступокъ дочери и эту дальнѣйшую оцѣнку гг. Чертковыхъ и врачей? Благородный ли это подвигъ во славу цивилизации, или дикій подвигъ варварства, того первобытнаго варварства, корни котораго такъ сильны еще въ душѣ нашихъ „высококультурныхъ“ людей? Съ какимъ ожесточеніемъ еще такъ недавно вопіяли они въ защиту свободы совѣсти; „палачи“, „палачи свободного духа“, слышали мы злобные голоса по адресу нашихъ миссіонеровъ.

Но спросить бы теперь, кто же эти „палачи свободного духа“, кому понравилась эта роль? Отчего такъ смиренхонько молчатъ объ этомъ защитники свободы? Не потому-ли, что чувствуютъ, что въ роковую минуту сами готовы надѣть кафтаны палача? И только для того, чтобы имѣть право кричать: „онъ нашъ“.

Допустимъ, что „вашъ“, но какою цѣною, какимъ позоромъ насилія надъ совѣстью вы купили это право? Да и прочно-ли оно? Какъ назвать своимъ того, кто всю жизнь болѣлъ жаждой вѣры, а въ послѣдніе дни мечталъ о тихой кельѣ и подрясникѣ послушника? Нѣтъ, позоръ предъ культурой за это насиліе дѣйствительно „вашъ“, а кому принадлежитъ духомъ Левъ Николаевичъ, это пусть судитъ Богъ. („Россія“).

Студенческія волненія.

По поводу волненій, происходившихъ въ послѣдніе дни въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и др. городахъ среди студентовъ, „Нов. Вр.“ пишетъ:

Нельзя себѣ представить большей профанаціи имени и памяти великаго писателя. Толстого буквально вынесли на улицу,—толпа студентовъ вчера шла съ его портретомъ и хорошо еще, если не уронила и не затоптала его въ грязь, разбѣгаясь отъ конныхъ городовыхъ. Но при чемъ тутъ собственно Л. Н. Толстой и его похороны въ Ясной Полянѣ? Къ печальному событію пристегнули чисто политическую демонстрацію противъ смертной казни, по постановленію студенческой сходки въ университетѣ. Сегодня на Невскомъ опять замелькали бѣлые и красные флаги. Словомъ, были картины, напоминающія дни минувшей революціи, когда на Невскомъ забивали досками окна магазиновъ.

Если нашей молодежи нравится роль суфражистовъ и суфражистокъ, то этого нельзя сказать про петербургскую публику, которая не могла сповойно пройти по Невскому. Доступъ былъ закрытъ въ магазины, въ конторы, на службу,—всюду была демонстрирующая толпа и полиція. Конные городовые развѣзжали даже по галереямъ Гостиного двора. Въ экипажахъ и трамваяхъ трудно было проѣхать въ центръ города съ Петербургской и Выборгской стороны. Студенты и рабочіе вызвали беспорядки на Невскомъ, и всемъ этимъ любовалась группа „неприкосновенныхъ“, членовъ Гос. Думы изъ кадетовъ, стоявшая подъ каланчей нашей ратуши. Разумѣется, въ Гос. Думу немедленно поступить запросъ о „незаконныхъ дѣйствіяхъ полиціи“ и о возможныхъ „жертвахъ полицейскаго произвола“. Левые заговорятъ объ „отвѣтственности Бріана“.

Появленіе на Невскомъ революціонныхъ флаговъ съ девизами указываетъ, что „вѣчная память“ Л. Н. Толстому просто предлогъ для беспорядковъ и „выступленій“. Демонстранты не встрѣтили сочувствія въ петербургскомъ обществѣ. Большинство возмущено политической профанаціей памяти Л. Н. Толстого, это такъ понятно.

Изумительно въ самомъ дѣлѣ, до чего наша улица любитъ скандалезныя зрѣлища. Кажется, день для этого былъ совсѣмъ неподходящій: похороны великаго писателя, грустное торжество, совершавшееся въ Ясной Полянѣ. Но въ Петербургѣ хотѣли реагировать на

него демонстраціей. Панихиды не разрѣшены, и этого достаточно, чтобы отслужить ихъ пожелали даже люди невѣрующіе, которые никогда не ходятъ въ церковь. Свободолюбивая молодежь, — о чудо! — зашла: „со святыми упокой“. Откуда, подумаешь, такая религіозность и рвеніе къ церковному пѣнію?

По словамъ Моск. Вѣд., невыразимо грустныя чувства вызываютъ волненія, поднятыя въ средѣ студенчества. Излишне даже напоминать, что память покойнаго гр. Л. Н. Толстого, какъ бы ни оцѣнивать его идеи, тутъ не при чемъ. Онъ не проповѣдывалъ ни безпорядковъ, ни насилій, и не разъ за свою жизнь ихъ порицалъ. Не отъ него идутъ безпорядки.

Ихъ источникъ иной.

Изстари, десятки лѣтъ тянется у насъ одна и та же исторія, повторяются одни и тѣ же революціонныя вспышки. Когда ослабѣвшія революціонныя группы нуждаются въ новомъ наборѣ своихъ рекрутовъ, ихъ жертвой дѣлается въ первую голову учащаяся молодежь. Для этого вызываются безпорядки по какому бы то ни было поводу.

Смерть графа Толстого или смерть какого-нибудь „реакціонера“ одинаково для этого годятся, лишь бы затянуть студентовъ въ волненія. Подстрекатели знаютъ, что разъ вызванное накопленіе страсти легко породить другія, сильнѣе и сильнѣе.

— Не бѣда, если масса студентовъ не желаетъ волнений: достаточно увлечь хотя небольшія сотни. Когда онѣ будутъ разогнаны, арестованы и т. п., — подстрекатели обратятся съ воззваніемъ къ чувству товарищества, и на эту удочку всегда ловится масса молодежи. Она двинется „на выручку“. Далѣе же идетъ извѣстная исторія...

Казалось-бы, всѣ давно должны были это знать, какъ дважды два четыре. Отцы выѣзжихъ студентовъ и ихъ старшіе братья испытали все это на неознаградимыхъ потеряхъ въ собственной жизни, видѣли на судьбѣ погибшихъ близкихъ людей, и тѣмъ не менѣе провокаторская тактика революціи бьетъ каждый новый разъ безъ промаха и увлекаетъ новыя тысячи молодежи на гибель, никому не нужную, кромѣ тайныхъ революціонныхъ кружковъ.

По тому же поводу говорить „Россія“: „Не вристегайте себя искусственно въ сужденіямъ Толстого о смертной казни, прекрасно зная, что онъ въ то же время не былъ исповѣдникомъ вашихъ заповѣдей, разрѣшающихъ ради политики и убить, и украсть. Припомните, встать, недавнюю отповѣдь Л. Н. по адресу революціонеровъ. Его даже антигосударственныя и антиобщественныя сужденія никогда не были проповѣдью насилія. Онъ демократъ и социалистъ не вашей крови. Его искренній гуманизмъ, не будучи напускнымъ, не кувыркался, какъ вашъ, требуя пощады преступникамъ и радуясь ихъ жертвамъ. Не хлопчите о панихидахъ, которыя вамъ нужны не для молитвы за упокой души, а лишь снова для оппозиціонной шумихи. Не подстрекайте молодежь на демонстративную прогулку по улицамъ съ пѣніемъ „вѣчной памяти“. Погребенному на улицахъ вѣчной памяти не поютъ. Не ставьте нашихъ сыновей и дочерей въ прямую аналогію съ творящими уличные безпорядки суфразетствами. Всякое хулиганство претить чувству

настоящаго гражданина. Нарушеніе порядка, необходимаго для общественной жизни, есть нарушеніе и свободы, и уваженія къ личности, или по нашему прогрессивному ученію это не такъ?

Поймите, что ученіе Толстого о непротивленіи злу не было ученіемъ о производствѣ зла. Выводимые имъ въ его произведеніяхъ нарушители нравственной правды каются въ томъ, что сотворили зло.

Не пойте гимновъ всему, что вышло изъ-подъ пера Л. Н. Не забывайте, что умъ Толстого былъ способенъ ко всему относиться критически и нѣрѣдко бичевалъ васъ, чѣмъ и доказывалъ несолидарность свою съ вами. Неужели вы, считая себя прогрессистами, не знаете, что и великіе умы и таланты люди ошибаются и заблуждаются, и что поэтому и гр. Л. Н. Толстой, оставаясь во мнѣніи всего просвѣщеннаго человѣчества великимъ писателемъ, тоже могъ ошибиться и особенно въ вопросахъ, которые рѣшаются не однимъ умомъ, но и другою духовною силою, силою вѣры? Кто читалъ Толстого, кто зналъ его, зналъ его способность любить, его стремленіе познать истину, его искренность, тотъ сильно задумается надъ вопросомъ о томъ, какъ бы проявилъ себя Толстой, если бы изъ шекардинскаго монастыря онъ возвратился въ Оптину пустынь, какъ онъ того желалъ, если бы около него не было ревнивыхъ соглядатаевъ и если бы онъ не скончался въ пути. Мы не знаемъ, чтобы вышло изъ встрѣчи старца-мыслителя со старцами вѣры, побесѣдовать съ которыми онъ такъ сильно хотѣлъ“.

— Въ Москвѣ студенты цѣлый день обходили еврейскіе молитвенные дома, мечети, кирки и костелы, помогаясь служенію панихиды. „Представители иновѣрческаго духовенства“, заявляетъ „Биржевка“, „охотно служили панихиды“. Какія это „панихиды“ служили муллы и раввинны, это знаютъ только обрѣвванцы изъ „Биржевки“. Но католическое духовенство отказалось отслужить панихиду, заявивъ, что по ихъ правиламъ служить панихиды по иновѣрцѣ нельзя. Католическая Церковь и не можетъ примириться съ религіознымъ ученіемъ Толстого, идущимъ въ разрѣзъ съ христианствомъ.

Въ Государственной Думѣ.

Въ засѣданіи 12-го ноября предсѣдательствующимъ было оглашено заявленіе с.-д. и к. д. о постановкѣ на повѣстку слѣдующаго засѣданія законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни для осуществленія завѣта гр. Толстого.

Покровскій 2-й, поддерживая заявленіе, указываетъ, что со смертью Толстого въ русскомъ обществѣ воскресло желаніе приобщиться хотя бы къ одному изъ заповѣданныхъ имъ идеаловъ — долой смертную казнь. Чуткая и отзывчивая молодежь первую сказала свое — „не могу молчать“, и вчера же вечеромъ рабочіе покинули фабрики съ пѣніемъ „Вѣчная память“ и тоже сказали свое: „Не могу молчать“, направившись подписывать заявленіе объ отмѣнѣ смертной казни, адресованное предсѣдателю Государственной Думы. Соціалъ-демократы приветствуютъ пробужденіе общественныхъ силъ. Умеръ Толстой, да здравствуетъ

жизни! Не будьте-же глухи и вы къ протесту, который будетъ расти и въ ширь, и въ глубину.

Рѣчь Покровскаго все время прерывалась сильнымъ шумомъ, возгласами справа и рукоплесканіями оппозиціи.

Образцовъ рѣшительно протестуетъ противъ демонстративнаго выступленія лѣвыхъ, связываемаго кадетами и социаль-демократами со смертію Л. Н. Толстого. Это выступленіе глубоко оскорбительно для памяти великаго человѣка. Малѣйшая уступка выступленію лѣвыхъ явится поощреніемъ улицъ и хулиганству, поощреніемъ обману темныхъ и незрѣлыхъ умовъ. Что общаго между Толстымъ и социаль-демократами, трудовиками и жидо-кадетами. Правительство и Дума сумѣютъ объяснить народу, чему и какъ училъ Толстой. Онъ относился отрицательно къ смертной казни во имя великой мечты устроить общественную жизнь на началахъ всеобщей любви. Прежде чѣмъ сказать: „Не могу молчать“ и осудить убійства по приговору государственнаго суда, онъ сказалъ: „Не убій“ и осудилъ убійство, какъ смертную казнь по самосуду, и вы же тогда въ вашихъ лѣвыхъ газетахъ объявили великаго яснополянскаго художника сумасшедшимъ старикомъ. И мы не возражаемъ противъ ученія Толстого и готовы пересмотрѣть вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, но только тогда, когда сметемъ социаль-демократовъ, трудовиковъ и кадетовъ, всю эту нечисть, тогда и мы приступимъ къ отмѣнѣ смертной казни, потому что некого будетъ вѣшать и разстрѣливать. Теперешнее же предложеніе—это не чествованіе памяти великаго сына родной земли, а самая обычная жидо-кадетская провокація. (Шумныя рукоплесканія справа, шумъ и шиканье слѣва).

Милюковъ считаетъ, что меньше всего имѣютъ права говорить объ убійствѣ тѣ, которые сами не очистились отъ подозрѣній подобнаго рода. (Справа сильный шумъ и крики: „Долой, вонъ, негодяй, назовите фамилію“).

Предсѣдательствующій предлагаетъ Милюкову повторить его слова.

Милюковъ, обращаясь къ предсѣдателю, повторяетъ свою фразу.

Предсѣдательствующій призываетъ Милюкова къ порядку.

Милюковъ заявляетъ, что слово свое обращаетъ не къ части Думы, говорящей на языкъ чайныхъ, а къ той части, которая можетъ составить большинство для принятія предложенія кадетовъ. Ораторъ считаетъ, что идея социализма была глубоко сродственна миро-созерцанію Толстого и полагаетъ, что предложеніе кадетовъ не выходитъ изъ круга идей великаго писателя. (Рукоплесканія оппозиціи и шиканье справа).

Дзюбинскій присоединяется къ мотивамъ Покровскаго и вслѣдъ за нимъ считаетъ долгомъ вмѣстѣ съ чуткой и отзывчивой, составляющей гордость народную молодежью воскликнуть: „Долой смертную казнь“. (Въ залѣ общій шумъ и рукоплесканія на скамьяхъ крайнихъ лѣвыхъ).

Пуришкевичъ. Вы правы, Толстого нѣтъ, какъ нѣтъ великаго Патрокла, но живъ презрительный Терситъ и терситы эти не только живы, но и здѣсь, въ

Думѣ. Оградившись депутатской неприкосновенностью, они произносятъ рѣчи, разжигающія и наталкивающія на безпорядки бѣдную учащуюся молодежь. Палачи народной совѣсти, палачи духа народнаго и чести народной, не вамъ братья грязными руками за великую идею мира. Величайшую мерзость, величайшее преступленіе передъ молодымъ поколѣніемъ совершаете вы, направляя его на безпорядокъ. Только бурю негодованія можетъ вызвать эта недостойная попытка. Центръ, какъ элементъ порядка, вмѣстѣ съ правыми пойметъ, куда тащатъ его тайныя намѣренія господъ недоповѣшанныхъ. Достоинство Думы, которая нѣсколько дней тому назадъ въ своемъ большинствѣ почтила память Толстого, служить порукой тому, что провокаторская попытка Милюковыхъ, Родичевыхъ, Покровскихъ и прочей „интеллигенціи“ поднять общественные и студенческіе безпорядки будетъ отвергнута. (Рукоплесканія справа).

Мотовиловъ доказываетъ несвоевременность условій переживаемаго момента для возбужденія вопроса объ отмѣнѣ смертной казни.

Баллотировкой 161 голоса центра и правыхъ противъ 131 голоса оппозиціи предложеніе о постановкѣ на слѣдующемъ засѣданіи законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни отклоняется.

Отвѣтственный редакторъ *Θ. Елеонскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВОСКРЕСНЫЙ ЛИСТОКЪ (бесѣды Преосвященнаго Геннадія, Епископа Балахнинскаго). Цѣна безъ пересылки 1 листка - 1 к., 100 л. - 90 к., отъ 100—500 л. - 80 к. за сотню, 1000 л. - 7 руб. Складъ изданія въ Нижегородскомъ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ.

Многіе изъ гражданъ Н.-Новгорода выражаютъ желаніе имѣть у себя печатныя бесѣды Преосвященнаго Геннадія. Въ виду этого означенныя бесѣды будутъ разсылаться по городскимъ церквамъ для предложенія ихъ желающимъ.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ

Бр. Приваловыхъ

въ Нижнемъ-Новгородѣ (Канавино).

Всегда готовые колокола отъ 200 пудовъ и принимаетъ заказы изъ разныхъ сортовъ мѣди.

Фирма существуетъ съ 1817 года и удостоена медалей за Всероссійскую выставку 1896 года и друг.

Бр. ПРИВАЛОВЫ.